

УДК 008:37.035

Лукаш С.Н.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА

Ключевые слова: культура казачества, воспитательный потенциал, культурологический подход, историко-педагогический подход, феноменология, казачья идея, ценностные ориентации, идеал, российскость.

Реализация идей гуманистической парадигмы образования обращает педагогическую науку и практику к принципиально иным, нежели прежде, методологическим основам, в частности к культурологическому подходу, в основе которого лежит феномен культуры. Культурологический подход в педагогике, которая сама по себе является частью культуры, отражает уровень культуры общества, предполагает анализ педагогических явлений и фактов с учетом социальных и культурных процессов в прошлом, настоящем и будущем. Культурологический подход как методология образования имеет свою прочную основу в российской философско-гуманистической традиции, реализуясь в идеях православной метафизики (Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, А.С. Хомяков, Г.Г. Шпет), нравственного совершенствования личности (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), народности образования (В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский), соборности (Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский), патриотизма (Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, В.С. Соловьев), русского космизма (В.И. Вернадский, Ф.М. Федоров, К.Э. Циолковский).

Российская педагогическая наука ориентирована на поиск адекватных современному типу культуры и отвечающих новому этапу развития цивилизации моделей отечественного образования (В.И. Андреев, Е.В. Бондаревская, И.Ф. Исаев, В.В. Краевский, В.В. Сериков, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов и др.). Образование в широком смысле этого слова приводит человека к культуре, которая понимается как деятельность, позволяющая личности определить свое место в мире и идентифицировать себя с той или иной общностью. В этом смысле культурологический подход к анализу педагоги-

ческих явлений и процессов обращает методологию исследователя к аксиологической парадигме развития личности – осознанному и принятому на уровне ценностей, идеалов, смыслов отношению к культуре. В методологии культурологического подхода культура выступает как своеобразный механизм перевода внешних воспитательных влияний во внутренние психические новообразования, оцениваемые педагогами с точки зрения обобщающих понятий, одним из которых выступает менталитет. Культурологический подход актуализирует, таким образом, «менталеобразующую» функцию образования, представленную глубинными основаниями народных традиций, мировоззрений, ценностных ориентаций, идеалов [3, с. 144; 4]. Культурологический подход как методология образования конкретизируется в том числе в региональной специфике. В историко-культурных условиях Юга России он позиционируется с воспитательным потенциалом культуры известного российского феномена казачества, развивающегося в направлениях, с одной стороны, уникальной для России народной демократии, а с другой – осознанного служения Отечеству.

Целью нашего исследования являлось определение сущностных начал феномена казачьей культуры, в частности выявление значимости ее воспитательного потенциала как основы для концептуализации соответствующей теории воспитания. Методология культурологического подхода ориентирует направление нашего исследования в определении воспитательных парадигм казачьей культуры на раскрытие аксиологических основ – идей, ценностей, идеалов, казачьей ментальности. Проведенный нами анализ научных исследований по проблеме изучения культуры казачества показывает, что

в современных исследованиях историков, этнографов, лингвистов, этнопсихологов, представителей других наук общекультурные направления, используемые в анализе феномена казачества, становятся все более и более значимыми. Культура казачества позиционируется как одна из ведущих интегративных идей, объединяющих различные науки и их понятийные аппараты в новое научное направление – казаковедение. Особенно весомо обращение ученых прошлого и настоящего к духовным основам казачьей культуры, ее ценностям, казачьей ментальности, региональным особенностям культуры казачества, «казачьему духу», «казачьему укладу». Именно в этом направлении консолидируется, по нашему мнению, конструктивный вектор, объединяющий этническую (автохтонную), социальную (беглохолопскую) и государственно-колонизаторскую теории становления казачества в единую интеграционно-культурологическую парадигму. Казачество в таком подходе предстает, по нашему мнению, как многокомпонентный, сложноструктурируемый этносоциальный феномен, ведущим детерминирующим фактором которого выступает своеобразие и самобытность казачьей культуры, имеющей общую славяно-русскую материнскую культурную основу (хотя и со специфической автохтонной чертой), задающую дальнейший пророссийский центростремительный вектор казачьего культурогенеза [8, с. 486]. В фундамент интеграционно-культурологического подхода, на наш взгляд, необходимо положить культурологический анализ процессов и явлений, лежащих в основе выделения казачества в особую общность людей. Такой методологический подход позволяет в определенной мере отойти от малопродуктив-

ных попыток доказательств примата этнической или социальной версии казачьего происхождения, сосредоточиваясь в направлениях культурологической рефлексии феномена казачества как этносоциального явления в его прошлом и настоящем.

Педагогическое осмысление культуры казачества с позиций интеграционно-культурологического подхода априори требует обращенности к истории, к генезису самого феномена, но отнюдь не исчерпывается ею. Поэтому уместный в данной проблематике историко-педагогический подход к анализу социально-педагогических процессов и явлений культуры казачества в нашем исследовании осуществляется в контексте общефилософского понимания феномена казачества, являющегося в своих основах православный культурогенетический корень. В связи с этим обращение к простой череде событий казачьего историко-культурного дискурса будет контрпродуктивным. В рамках историко-педагогического подхода мы акцентируем внимание на историософском осмыслении казачьего феномена, ориентирующем исследователя в том числе на смысловое, мотивационное, духовно-идейное понимание сущности казачества. Нам близки в этом плане мысли Е.П. Белозерцева: «Образование есть неотъемлемая часть человеческой культуры, а культура есть воплощение духа народа, конкретного человека, которым занимается философия, философия образования. Как нельзя изучать физику без математики, так нельзя понять воспитание и обучение без философии образования. Иными словами, философия истории – основа педагогики. Педагогика будет мертвой без историософии» [1, с. 74].

Культурологический, историософский подходы в выявлении воспита-

тельного потенциала культуры казачества определяют проникновение в глубинные сути самого явления, интерпретацию пути его изучения. В этом направлении проведенный нами феноменологический анализ подтверждает наше предположение о том, что традиционная характеристика казачества как этносословного явления «загораживает» другую, идейно-духовную основу этого феномена. Между тем казачество на протяжении своего историко-культурного развития реализовывало свою особую, отличную от самодержавно-государственной доктрины идею социального устройства. В начале казачьей идеи лежало общее стремление людей строить свои внутренние отношения не на принуждении и угнетении личности, а на корневых традициях славяно-русского народовластия, раскрепощающих личность во имя выполнения определенной смысложизненной миссии. Данный методологический посыл определяет соответствующую логику нашего исследования, в которой достаточно известный этносословный характер казачьего феномена дополнен обращением к духовно-идейной его стороне, характеризующей казачество как определенную социальную идею и идеал. В соответствии с целями нашего исследования в определении воспитательного потенциала казачьей культуры, выявлении его идейно-духовных основ и составляющих компонентов проведем культурологический, историко-педагогический анализ казачьей идеи и ее культурных производных, опираясь на обоснованные выше исследовательские методологии.

Осуществленный нами ретроспективный анализ показывает, что сущность казачьей идеи составляют парадигмы свободы-воли, народовластия,

защиты общеславянской, а затем и православной цивилизации, которые веками присутствовали в общественном сознании населения лесной и лесостепной ландшафтной зоны Руси и Дикого Поля. Эти традиции свободного развития общества и личности были подвергнуты девальвации во времена татаро-монгольского ига и последующего периода развития самодержавного вектора российской государственности [6, с. 79]. В это же время носители идей, альтернативных самодержавию, крепостническому закабалению, личностному и религиозному бесправию, выдавливаемые из метрополий (Московской Руси, Речи Посполитой, ханств бывшей Золотой Орды), консолидируются в XIV–XVI вв. на просторах Дикого Поля, образуя вместе с автохтонными его насельниками казачьи сообщества [8].

Казачья идея, оставаясь неизменной в своих базовых началах, эволюционировала вместе с культурогенезом казачества. На ранних этапах вольного периода казачьей эволюции ее основой выступает парадигма защиты православной цивилизации от османо-татарского истребления. В этот период духовно-идейная составляющая казачьей культуры выражается стремлением людей к свободе-воле, к православному единению, понимаемым как непеременимое условие личностного развития, необходимого для выполнения главной жизненной миссии казака – защиты православного Отечества и Веры православной с оружием в руках. «Русские, украинцы, греки, грузины, сербы были объединены идеей борьбы с турецко-татарской гегемонией в Северном Причерноморье. Единство веры, близость культур, общие внешнеполитические цели позволяют объединить эти этнические цели, эти этнические группы в единое

православное ядро донского казачества», – пишет С.М. Маркедонов [7, с. 186]. В XVIII столетии казачество, утратив под натиском государства часть своих вольностей (атаманы войск назначаются российской властью) и формально приняв идею служения Российской империи, в то же время успешно отстаивает попытки узурпации российскими самодержцами своих коренных прав и свобод. Казачьи земли остаются островами свободы с общинной поземельной собственностью в бесправном крепостническом море, управляемыми по народовластным казачьим традициям свободными от крепостнического рабства людьми. К середине XIX столетия идея служения России становится основой казачьего мировоззрения. В этот период идеологический вектор империи, выраженный в триаде «Православие, Самодержавие, Народность», духовно принимается казачеством, становясь созвучным основным постулатам казачьей идеи в направлении укрепления российской православной цивилизации. Вторая половина XIX столетия характеризуется определенным единством казачьей идеи и государственной идеологии Российской империи, конкретизируясь в осознанном служении казачества «Вере, Царю и Отечеству». Казачество становится активным проводником государственных интересов во внутренней и внешней политике: расширении границ православной цивилизации, завершении Кавказской войны, прогрессивных преобразованиях во внутренней жизни государства, освобождении православных народов Балкан от турецкого ига и т.п.

Казачество, выступающее авангардом территориального расширения России, с успехом претворяло в жизнь миссию «российскости» [2, с. 4]. Позиционируя евразийский вектор россий-

ской культуры, взаимодействуя с присоединяемыми народами, казачество вводило их в российское культурное поле, не ассимилируя и не угнетая их (последнее часто происходило на «цивилизованном» Западе). Это движение в авангарде евразийского приращения России способствовало становлению в ментальном сознании носителей казачьей культуры парадигмы российскости, выражающейся в интеграции казачества в общекультурное российское поле, обретении российского самосознания, выработке общих культурно-идеологических основ. Российскость органично сочеталась с постулатами казачьей идеи в отношении сбережения, укрепления православной цивилизации. Если на начальных этапах своего становления казачество выступало как монотеистическая группа – обязательным условием принятия в казаки была христианская православная вера, то в последующем, с причислением к казачеству различных народов России – калмыков, осетин, татар, башкир, бурят, эвенков, якутов, – казачья культура становится представленной во всех основных религиозных российских конфессиях: православии, исламе, буддизме. В данном контексте культура казачества, и прежде всего ее воспитательная парадигма, выступала определенной культурно-образовательной, национальной ценностью, способствуя тому, что казачество из феномена русской материнской культуры становится к середине XIX столетия прообразом и определенным соактором формирования российского суперэтнуса, российского национального самосознания, превращаясь из этносословной группы в некое общероссийское явление, консолидирующее россиян на духовно-идейной основе служения России.

В начале XX столетия в единстве казачьей идеи и самодержавного век-

тора российской государственности обозначились глубокие противоречия, определившие поиск новых направлений развития казачьей идеи. После Февральской революции 1917 г. казачья идея была реализована на землях Юга России в своих исконных народовластных основах устройства жизни, альтернативных большевистским парадигмам «разрушения старого мира» и диктатуры пролетариата.

В своей повседневной практике казачья идея конкретизировалась в социально значимых ценностях казачьей культуры, под которыми нами понимаются выработанные на протяжении этногенеза казачества, обусловленные особенностями пограничного проживания, духовно-православным мировоззрением представления о значимом, желаемом, святом в жизни казачества, осознанные и принятые смыслы казачьего существования, выраженные в образах мысли, ментальных стереотипах и практических установках личного и социального поведения. Осуществленный нами ретроспективный анализ эволюции духовно-идейного компонента казачьей культуры, а также выводы, к которым пришли авторы, исследовавшие ценностные ориентации казачества, позволили нам выделить априори основные социально значимые ценности казачьей культуры. К ним относятся: народовластные, демократические основы казачьего мироустройства; свобода как непременное условие казачьего образа жизни; православие как духовно-идейный стержень казачьего мировоззрения; принадлежность к казачеству как таковому; патриотизм; державность казачества, традиционно являвшегося опорой российской православной государственности: служение Отечеству «не за страх, а за совесть»; труд как основа казачьего жизнеустройства.

Ценностные ориентации казачьего образа жизни, внося в его осмысление определенные оценочные критерии, соотносились в реальной практике с представлением о совершенном образе, высшей цели личностных и общественных устремлений – идеале. В казачьем образе жизни определенный дуализм, присущий российской специфике в диалектике духовных производных общества – светских и религиозных идеалов, успешно преодолевается в идеалах степного рыцарства, защитника православной цивилизации, продолжателя традиций русского богатырства, с которыми идентифицировали себя ранние казаки. В казачестве христианство-православие, составляя основной стержень мировоззрения, органично определяло «казачью долю» – отдать свою жизнь от начала до конца активному служению вере Христовой с оружием в руках в молодости и в зрелости и духовно служить идеалам православия в старческом возрасте. «Люди Божии» – казаки, «степные рыцари» – завоевывают свой авторитет, становясь притягательной силой для тысяч людей, ищущих иной, нежели самодержавный абсолютизм и крепостническое рабство, образ жизни.

Идеалы казачьего образа жизни в XIX столетии продолжают быть притягательными для россиян – представителей разных сословий: крестьян, мещан, том числе дворянства и высшей аристократии. Великие русские писатели в поисках лучшей народной доли обращаются к казачеству, к его социальному устройству, к его ценностям и идеалам, видя в них приемлемые формы и смыслы жизни для русских людей. Л.Н. Толстой писал в своих дневниках: «Будущность России – казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого... Всемирно-народная задача России

состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности... Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик, который говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет общая. Эта идея имеет будущность» [5, с. 58–59]. К середине XIX в. в общественном сознании впервые, во многом благодаря высокой оценке казачьих идеалов и социальных ценностей со стороны российских писателей-гуманистов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, формируется совершенный образ-идеал человека российской национальной культуры. Основу самосознания этого идеального образа – патриота своего края и Родины-России, с высокой степенью духовно-психологической и практической готовности к защите Отечества, приверженного демократическим формам устройства жизни и свободному землепользованию внутри общины, экономически самодостаточного, с высокой личностной статусностью, но в то же время с православной духовно-соборной ментальностью, ответственного за свою жизнь перед Богом и обществом (казачьим миром), – составляли ценности, идеалы и смыслы казачьей культуры.

Казачья идея и производные от нее ценности и идеалы выступали краеугольными камнями казачьего мировоззрения, предопределяя развитие народной педагогики казачества, основу которой составила оригинальная этнопедагогическая система воспитания. Характерной особенностью данной системы явилась высокая значимость духовно-идейных факторов этновоспитания (идей, идеалов, социальных ценностей, религии), выражающихся в общей цели – смысле казачьего образа жизни – защите, сбережении православной цивилизации и актуализации

на этой основе личностного образа, соответствующего этому высокому статусу. Реализация данной цели с необходимостью предопределяла воспитание свободной, самодостаточной личности, осознающей свое жизненное предназначение и ответственность перед казачьим обществом и Богом.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что казачья культура предстает своей общей демократической направленностью, отстаивающей народовластный вектор социального устройства и личностно ориентированную воспитательную парадигму как непереносимые условия осуществления казачеством своего жизненного предназначения – защиты Веры и православно-Отечества с оружием в руках. Это культура, развивающая пресеченную татаро-монгольским нашествием и последующим самодержавным вектором древнюю народовластную традицию социального мироустройства славянорусского общества. В процессе своего развития казачья культура сохраняла важнейшие социальные маркеры народно-демократического развития русско-российского социума: идею свободы и народовластия, парадигму российскости, осознанное служение обществу и государству, элементы гражданственности. В связи с этим ее воспитательная ценность не преходяща для современного российского общества. Воспитательный потенциал казачьей культуры, традиционно понимаемый в своей этнопедагогической ипостаси, существенно обогащается и расширяется в феноменологическом, историософском его рассмотрении. В этом аспекте культура казачества предстает не только в своих

этносологических характеристиках, но и как духовно-идейный феномен российской культурно-образовательной парадигмы, как национальная образовательная ценность, воплощающая идею российскости в евразийском векторе развития России. Обращение к казачеству как к феномену истории и культуры в контексте философско-педагогической антропологии обосновывает социальную значимость казачьей идеи, воспитательных идеалов, общественных ценностей и цели воспитания, составляющих в совокупности воспитательный потенциал казачьей культуры.

Литература

1. Белозерцев, Е.П. Образование: историко-культурный феномен / Е.П. Белозерцев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Виноградов, В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России / В.Б. Виноградов // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир: Изд-во АГПУ, 2002. С. 3–6.
3. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практикоориентированных образовательных концепций) / Б.С. Гершунский. М., 1998.
4. Захараш, Т.Б. К проблеме определения понятий «традиция» и «инновация» в современном образовании / Т.Б. Захараш // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 2. С. 15–22.
5. Из дневника Л.Н. Толстого // История Кубани в русской художественной литературе. Вторая половина XIX – начало XX в.: хрестоматия к интегрированному учебному курсу для школ, гимназий, лицеев и вузов. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2004. Ч. 2.
6. Кочеров, С.Н. Русская идея: сущность и смысл / С.Н. Кочеров. Н. Новгород: Изд-во НПГУ, 2003.
7. Маркедонов, С.М. Донское казачество. Феномены межкультурного диалога [Текст] / С.М. Маркедонов // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 186–190.
8. Рыблова, М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века / М.А. Рыблова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.